

**ВОПРОС СУЩЕСТВОВАНИЯ – ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА**

Наира Согомоян
доцент кафедры философии и политологии
Арцахский Государственный Университет
Арцах

Аннотация

Изучая многообразные данные всех наук, философия дает определенное истолкование и осмысление вопроса о природе (сущности) человека, его происхождении и назначении, месте человека в мире. Данная проблема – одна из основных в истории философской мысли. Необходимость философского, мировоззренческого осмысления проблемы человека несомненна также, как и несомненно, что такое осмысление невозможно в рамках конкретных обществоведческих дисциплин, раскрывающих лишь те или иные стороны того сложного единства, каким является существование и деятельность человека.

Ключевые слова: *экзистенциализм, трансцендентное, свобода, осмысление, бытие, сущность, мировоззрение, религия, общество, личность, человек.*

Основные источники: А. Камю “Бунтующий человек”, Г. Марсель “Метафизический дневник”, Ж.П. Сартр “Бытие и ничто”, М. Хайдеггер “Слова Ницше “Бог мертв””, “Ницше и христианство”, Н. А. Бердяев “Самопознание”.

Термин “экзистенциализм” происходит от латинского неологизма *existentia* (существование). Экзистенциалистское понимание существования исходит по меньшей мере из трех источников.

В первую очередь оно опирается на датского религиозного философа С. Кьеркегора (XIXв), выдвинувшего само понятие экзистенции и идею “экзистирующего мыслителя”. В отличие от “абстрактного мыслителя” традиционной философии и науки “экзистирующий мыслитель”, согласно Кьеркегору, должен рассматривать действительность субъективно, т.е. только так, как она преломляется через его индивидуальное существование, эмоциональную жизнь. Неограниченная субъективность — основное определение человеческого существования. “В то время как объективное мышление безразлично по отношению к мыслящему субъекту и его экзистенции, — писал Кьеркегор, — субъективный мыслитель существенно заинтересован в своем мышлении оно существует в нем”². Следовательно, его философская установка в корне отлична от научной объективности.

Экзистенциализм исходит также из учения немецкого философа Э.Гуссерля. Из феноменологии Гуссерля он заимствует технику выявления “априорной”, доопытной структуры сознания, т.е. некоторой, онтологической основы человеческого существования (экзистенции).

Именно эта техника “феноменологического описания” сознания была воспринята экзистенциализмом, с тем, чтобы с ее помощью описать структуру уже не познающего сознания, а сознания действующего, чувствующего, т.е. “существования”, “экзистенции”, не просто познающий мир, но окрашивающий его всеми цветами своего эмоционального состояния. Если в “классическом” субъективном идеализме “мир” таков, как его представляет познание, то в экзистенциализме он таков, как мы его переживаем.

Но тем самым экзистенциализм оказывается наследником “философии жизни”, черпая из нее убеждение, что общезначимое научное знание, разум умерщвляет “живую жизнь”. Однако для

² Х.С. Кьеркегор 1993, Т VI, стр.155

экзистенциализма важна не “жизнь” как таковая, а индивидуальная жизнь человека. Поэтому две проблемы, только затронутые “философией жизни”, выдвигаются здесь на первый план. Первая — это внутренняя значимость индивида в противовес другим. Вторая — уникальность индивида в противоположность “среднему” представителю человеческого рода.

Именно в свете данной проблемы пытается экзистенциализм дискредитировать научное знание, с одной стороны, обосновать иррационализм — с другой. Это прежде всего проявляется в центральном понятии экзистенциализма — “экзистенция”, “человеческое существование”, выступающее как “исключительное бытие”.

Прорывом объективированного мира, мира “man”, является согласно экзистенциализму, не только подлинное человеческое общение, но и сфера художественного, философского, религиозного творчества. Однако истинная коммуникация, как и творчество, несут в себе трагический надлом: мир объективности непрестанно грозит разрушить экзистенциальную коммуникацию. Сознание этого приводит Ясперса к утверждению, что “все в мире в конечном счете терпит крушение в силу самой конечности экзистенции, и потому человек должен научиться жить и любить с постоянным сознанием хрупкости и конечности всего, что он любит, незащищенности самой любви”³. “Но глубоко скрытая боль, причиняемая этим сознанием, придает его привязанности особую чистоту и одухотворенность”⁴. Если же “все в мире... терпит крушение”, то стоит ли вообще жить, и имеет ли жизнь смысл; и если да — то какой именно? В чем смысл жизни? Или жизнь есть просто бессмыслица, бессмысленный, никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как и всякого органического существа. Размышляя над данной философской проблемой, можно было сделать небольшой акцент на философское мировоззрение А. Камю, эволюция воззрений которого связана с историческими обстоятельствами. Сам Камю говорил о как бы двух циклах своих произведений: теме абсурда (“Миф о Сизифе”, поэма “Посторонний”, “Калигула”); теме бунта (“Бунтующий человек”, роман “Чума” и пьеса “Праведники”).

Камю — мыслитель XX века, он получил проблемы абсурда и бунта не только от долгой традиции философской и религиозной мысли, — крушение моральных норм и ценностей в сознании миллионов европейцев, нигилизм представляет собой выведение всех следствий из “смерти Бога”. Подобно всем философам — экзистенциалистам, Камю полагает, что “важнейшие истины относительно самого себя и мира человек открывает не путем научного познания или философских спекуляций, но посредством чувства, как бы высвечивающего его существование, “бытие в мире”⁵. Камю ссылается на “тревогу” Хайдеггера, “тошноту” Сартра, он пишет о скуке, неожиданно овладевшей человеком. Настроения и чувства не субъективны, они приходят и уходят не по нашей воле, раскрывают фундаментальные черты нашего существования. У Камю таким чувством, характеризующим бытие человека, оказывается чувство абсурдности — оно неожиданно рождается из скуки, перечеркивает значимость всех остальных переживаний. Индивид выпадает из рутин повседневной жизни, он сталкивается с вопросом: “А стоит ли вообще жизнь того, чтобы быть прожитой?”. Камю вспоминает “о логическом самоубийстве”, но ближе ему постановка этого вопроса в “Или-Или” Кьеркегора: “Самоубийство — отрицательная форма бесконечной свободы. Счастлив тот, кто найдет положительную”⁶. “Миф о Сизифе” Камю представляет собой поиск такой “положительной формы” бытия в мире, в котором религиозная надежда умерла. Вопрос Камю таков: “как жить без высшего смысла и без благодати?”⁷

Сам по себе мир не абсурден, он просто неразумен, считает Камю, так как является внечеловеческой реальностью, не имеющей ничего общего с нашими желаниями и нашим разумом.

³ Ф. энцикл. “Экзистенциализм”

⁴ Ф. энцикл. “Ясперс”

⁵ Краткий очерк истории философии

⁶ Кьеркегор “Или-Или”

⁷ Камю “Миф о Сизифе”

Это не значит, что мир непознаваем; мир вполне познаваем, от одной научной теории мы переходим к другой, более совершенной, но это всегда наша теория, гипотетическая конструкция человеческого ума. В мире нет окончательного, последнего смысла, мир не прозрачен для нашего разума, он не дает ответа на самые настоятельные наши вопросы. Унаследовав от картезианства идеал ясности и отчетливости мышления, Камю отвергает антологический аргумент—из наличия у нас идеи Бога нам не вывести его существования. “У абсурда куда больше общего со здравым смыслом,— писал Камю,— абсурд связан с ностальгией, тоской по потерянному раю.. Из наличия этой ностальгии нам не вывести самого потерянного рая”. У Камю ясностью видения наделено только конечное существо, брошенное в чуждый ему мир. Уже потому, что Камю выше всего этого свет разума, поиск смысла, а не темные стороны человеческой природы, он и в “Мифе о Сизифе” далек от крайних форм европейского нигилизма. Миром управляет не бессмыслица, а смысл, но его трудно расшифровать—ключом к ускользающему смыслу является бунт”⁸.

“Бунтующий человек”— это история идеи бунта— метафизического и политического— против несправедливости человеческого удела. Если первым вопросом “Мифа о Сизифе” был вопрос о допустимости самоубийства, то эта работа начинается с вопроса об оправданности убийства. На скрижалях нашего века написано: “Убивай”. Камю в “Бунтующем человеке” прослеживает генеалогию этой максимы современных идеологий; проблема заключается в том, что сами эти идеологии родились из идеи бунта, преобразившейся в нигилистическое “все дозволено”. Если ни во что не веришь, если ни в чем не видишь смысла и не можешь утверждать какую-либо ценность, все дозволено и ничто не имеет значения. Нет доводов “за” и “против”, и убийцу невозможно ни осудить, ни оправдать. “Добродетель и злой умысел,— по словам Камю,— становится делом случая или каприза”⁹. Если нет ни ложного, ни истинного, ни плохого, ни хорошего, правилом становится собственная максимальная эффективность, то есть сила. И тогда надо разделять людей не на праведников и грешников, а на господ и рабов. Следовательно, если мы хотим принять абсурдную установку, мы должны быть готовы убивать, повинаясь логике, а не совести, которая будет представляться нам чем-то иллюзорным¹⁰.

И, все-таки, признав убийство этически нейтральным, анализ абсурда приводит в конце концов к ее осуждению, и это самый важный вывод. В теме бунта у Камю меняется само содержание “абсурда” и “бунта”, на них рождается уже не индивидуалистический мятеж, а требование человеческой солидарности, общего для всех людей смысла существования. Бунтарь встает с колен, говорит “нет” угнетателю, проводит границу, с которой отныне должен считаться тот, кто полагал себя господином. Однако “мятежный раб может сам перейти этот предел, он желает сделаться господином, и бунт превращается в кровавую диктатуру”¹¹. Камю писал “Бунтующего человека” в 1950 г., когда сталинская система постигла апогея своего могущества, а марксистское учение превратилось в государственную идеологию, в восточной Европе шли политические судилища, в СССР были миллионы заключенных, система распространялась на Китай..., в любой момент могла вспыхнуть война. Бунтарь восстал против палачей. Вывести все этические ценности из бунта вряд ли возможно, но ясно, против чего он направлен. “Я ненавижу только палачей”,— вот, пожалуй, самое краткое и точное определение социальной и моральной позиции Камю.

“Жизнь как таковая— есть уже ценностное суждение”; ошибочно утверждать, что жизнь есть постоянный выбор. Но верно и то, что невозможно вообразить жизнь, лишенную всякого выбора. Ведь самоубийство— это бегство от мира или избавление от него, а жизнь является единственно подлинно необходимым благом. Заявить, что жизнь абсурдна, способен только живой, обладающий сознанием, человек. Невозможно оправдать убийство, если отказываешь в оправдании самоубийству. Ум, усвоивший идею абсурда, безоговорочно допускает возможность рокового убийства, убийства по

⁸ А. Камю “Бунтующий человек”

⁹ А. Камю “Бунтующий человек” (введение)

⁹ там же

¹¹ А. Камю “Бунтующий человек” (ч. 1)

страсти, но не принимает убийства рассудочного”¹². Принимая или отвергая одно из них, неизбежно примешь или отвергнешь другое. В определенном смысле человек, обрекающий на смерть лишь себя, отрицает все ценности, кроме одной— права на жизнь, которым обладают другие люди. Всякое самоубийство в одиночку, по-своему великодушно или же исполнено презрения. Самоубийца полагает, что все разрушает и уносит с собой в небытие, но сама его смерть утверждает некую ценность, которая, быть может, заслуживает, чтобы ради нее жили. Самоубийства недостаточно для абсолютного отрицания. Последнее означало бы абсолютное разрушение, уничтожение и самого себя, и всего сущего. “Убийство и самоубийство, -- по словам Камю, -- две стороны одной медали— несчастного сознания, которое человеческим мукам предпочитает темный восторг, в котором сливаются, уничтожаясь, и земля, и небо. Некоторым образом абсурд, который хочет показать человека в его одиночестве, заставляя его жить перед зеркалом. Необходимо покончить с игрой зеркальных отражений и присоединиться к неодолимому самоопределению абсурда.

Камю пишет: “Я кричу о том, что ни во что не верю и что все бессмысленно, но я не могу сомневаться в собственном крике и должен верить хотя бы в собственный протест. Первая и единственная очевидность, которая дается мне таким образом в опыте абсурда, - это бунт”. Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятого и несправедливого удела человеческого. Бунт хочет, бунт кричит и требует, чтобы скандальное состояние мира прекратилось... Необходимо, чтобы бунт искал свои основания в самом себе, бунт должен сам себя исследовать, без чего он не будет знать, как правильно действовать. Как бы то ни было, невозможно понять причины бунта, не исследуя его требований, его образа действий и завоеваний. В его делах, быть может, таится то правило действия, которое не смог открыть абсурд. Человек же— единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть. Камю пишет “я бунтую и, следовательно, мы существуем”¹³.

Согласно Камю, опыт человеческого существования, неминуемо завершающегося смертью, приводит мыслящую личность к открытию “абсурда” как конечной правды своего “удела” на земле. Однако эта истина должна не обезоруживать, а, напротив, пробуждать в душе мужественное достоинство продолжать жить вопреки вселенскому хаосу...

Философское и художественное творчество А. Камю— одно из свидетельств кризисной духовной атмосферы на Западе в середине 20 века.

Экзистенциализм представляет собой умонастроение человека, утратившего веру в разум исторический и научный. Экзистенциализм обращается не к силе, а к слабости— к самому человеку в его конечности. Сегодняшний человек, согласно экзистенциализму, может черпать свои силы только в своей слабости; он может обрести смысл своей жизни не перед лицом вечного и бесконечного, — бога, природы или истории, — а перед лицом смерти. Именно поэтому в центре внимания экзистенциализма— не бог и не природа, а человек. Экзистенциалисты— не только Бердяев, Шестов, но и Сартр, Камю—склонны скорее к бунту, чем к творчеству, созиданию, и попытка Бердяева понять экзистенциализм как философию творчества самопротиворечива. Таким образом, экзистенциализм отразил духовную ситуацию современной эпохи, обнажил ее противоречия и болезни, но предложить из этой ситуации выход он не смог. Именно поэтому крупнейшие представители экзистенциализма пытаются найти новые пути и способы выхода из тупика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камю. А. Бунтующий человек
2. Хайдеггер М. “О сущности истины”, progvek.com>classic>Heidegger
3. Хайдеггер М. Слова Ницше “Бог мертв”, Вопросы философии 1990 N7

¹² А. Камю (введение)

¹³ А. Камю “Бунтующий человек”

4. Марсель Г./К.Ясперс. Переписка (1920-1963)
5. Кузнецов В.Н. “Ж.П. Сартр и экзистенциализм”, М., 1970, стр. 51
6. Сартр Ж.П. “Бытие и ничто. Опыт феноменологической антологии”
7. Хайдеггер М. “Ницше и христианство”, chaikaphil.narod.ru/seminars/quest13.doc
8. Вопр. философии N9 (1990)
9. Бердяев Н.А. “Самопознание”
10. Камю А. “Бунтующий человек”

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Գոյության հարցերը որպես էքզիստենցիալիզմի փիլիսոփայության հիմնախնդիր Նաիրա Սողոմոնյան

Բանալի բառեր` էքզիստենցիալիզմ, տրանսենդենտ, ազատություն, իմաստավորում, կեցություն, աշխարհայացք, կրոն, հասարակություն, անձ, մարդ:

Վերամշակելով բոլոր գիտությունների բազմատեսակ տվյալները, փիլիսոփայությունը տալիս է մարդու բնության (էության), նրա ծագման և նշանակության, աշխարհում մարդու տեղի մասին հարցի մեկնաբանությունն ու իմաստավորումը: Տվյալ հիմնախնդիրը` փիլիսոփայական մտքի պատմության ամենահիմնականներից մեկն է: Մարդու հիմնախնդրի փիլիսոփայական, աշխարհայացքային իմաստավորման անխրաժեշտությունը անկասկած է, ինչպես նաև անկասկած է, որ այդպիսի իմաստավորումը անհնարին է կոնկրետ հասարակագիտական առարկաների շրջանակներում, որոնք բացահայտում են մարդու գոյության և գործունեության բարդ միասնության այս կամ այն կողմերը:

SUMMARY

The question of beingness as the the main problem of philosophy of existentialism Naira Sogomonyan

Keywords: existentialism, transcendental, freedom, comprehension, being, essence, world, world-view, religion, society, personality, human.

Recycling multiple data of all sciences, philosophy gives a certain interpretation and understanding of the issue of the nature (essence) of human, his origin, destination and the place of the human of the world. This issue is one of the major in the history of the philosophical thought. The need philosophical, ideological understanding of human problems certainly just as certain that such an interpretation is not in the framework of specific social disciplines, revealing one or another aspect of the unity of the complex, as is the existence of human.